

Н. ГИКАЛО

ОН БУДИЛ И ЗВАЛ

Жизнь помни блестящие выступления Кирова на народном съезде Терской области в Моздоке в 1918 г. Эти выступления будили, звали на борьбу трудящихся горцев, казаков, рабочих. Один седой, старый горец, помолодевший после речи Сергея Ми-

вали с мест и в неудержимой страсти к победе над враждой темноты кричали на разных нарочиях свой привет большевикам, Ленину и своему оратору, который звал их на борьбу за освобождение человечества.

Съезд голосовал в своем подавляющем большинстве за предложение большевиков и послал телеграмму Совету Народных Комиссаров—Ленину, приветствующую Октябрьскую революцию и власть советов. И те перь уже не десятки, а сотни агитаторов разъехались по аулам бороться за дело, начатое Лениным. Эти агитаторы проникли глубоко в станицы, аулы, леса и горы и всюду собирали делегатов на съезд в Шатигорск.

Позднее приходилось встречаться и видеть товарища Кирова уже в другой обстановке. Войска интервентов, банды отечественных генералов, помещиков и коммюнистов разгромлены и раздавлены рабочими и крестьянами советской страны. Надо было укреплять советскую власть, восстанавливать промышленность и сельское хозяйство. К концу 1920 года я встретил Кирова уже как члена Кавказского бюро ЦК ВКП(б). Вместе с товарищем Серго Орджоникидзе Киров стал руководителем коммунистической организации бывшей Горской Республики, затем представителем советского правительства в меньшепатристической Грузии и потом своего руководителя большевистской организации на Кавказе. И эта же неизменная беспростра, спремость, все та же непоколебимость в борьбе за дело рабочего класса, за дело партии Ленина, в борьбе против каких бы то ни было отклонений от линии партии.

Н. Ф. ГИКАЛО.

роновича, легкой поступью горца взобрался на трибуну съезда и в своей отрывистой горянской речи звался в преданности делу рабочего класса, советской власти.

Незабываемы образы счастной и мощной речи Кирова на заключительном заседании съезда до последней капли крови бороться за свободу. Он привел красивую древнюю легенду о Промете, как олицетворение свободы, прикованного к скале на вершине Казбека, чье истерзанное тело неустанно клюет орел. И молодые и старые, и горцы, и казаки, и рабочие вонзили